

самое доброе пожелание и мн. др. „Передразнивания“ могут быть и в иной словесной форме, не той, которую мы сейчас имеем в виду, а „прибаутки“ бывают, как известно, не только издевательского и насмешливого характера. Самое слово указывает на *декоративное*, во всяком случае, не самостоятельное, *значение* прибаутки. А, между тем, в разбираемых стихотворениях мы имеем дело с словесными произведениями, живущими самостоятельной жизнью, несущими самостоятельную функцию. Разбираемые стихотворения содержат элемент язвительности, *издевательского*; прибаутка говорится только „для красного словца“. Поэтому использование этого термина в данном случае не является обоснованным. „Насмешливые присказки к собственным именам“ исчерпывают только часть, и при том не самую значительную, словесных произведений, которые нас интересуют.

Такая неопределенная, невыразительная и не емкая терминология не может удовлетворить запросов изучающих с той или иной целью детское словесное творчество.

В виду разнообразия в отношении формы, построения, содержания стихотворений, какое обнимается этим видом словесных произведений, а также в виду того, что они в своей пестрой совокупности представляют своеобразное *lanx satura*, ближе и полнее определило бы содержание, смысл и характерные особенности рассматриваемого вида детского творчества обозначение, позаимствованное у древних: *satura* или *satira*. Однако выразительный термин *сатира*, в нашем случае—*детская сатира*, звучит столь непривычно и чуждо, что на принятие и закрепление его в научном обиходе едва ли можно надеяться. Менее выразительным, но более привычным термином является *сатирическая лирика*, в нашем случае—*детская сатирическая лирика*.

Последний термин (сатирическая лирика) в наше время утратил свое первоначальное значение и в привычном для нас употреблении не достаточно полно и точно передает характер имеющейся в виду группы словесных произведений, не выражая полностью того, что мы имеем в детской лирике осмеяния. Если мы и можем остановиться на нем, то только условившись вкладывать в него содержание, связанное с понятием *satura*: „всякая всячина, поэтическая мешанина, стихотворные произведения разнообразного, часто меняющегося содержания, почерпнутого непосредственно из жизни“. ¹¹

Каждый вид или жанр словесных произведений создается и живет в определенных условиях и призван выполнять то или иное, только ему данное, назначение. На эту сторону и следует

обратить внимание при попытках уловить существенные признаки изучаемого явления и обозначить явление тем или иным словом.

В произведениях русского народного творчества наблюдатели отмечают, „сверх полноты мыслей“, отражение характерных наших свойств. „В них все есть: издевка, насмешка, попрек словом—все шевелящее и задирающее за живое“.¹²

Это свойство—умение найти „шеделяющее, задирающее за живое“—обнаруживается уже в детском словесном творчестве едва ли даже не в более едкой форме, чем у взрослых. Детскому творчеству ирония еще недоступна; в нем—смех жестокий, едкость ничем не смягчаемая¹³. Кажется, невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издевчивости. Поводом может послужить одно желание „донять“. А уж если есть серьезный, для всех очевидный, повод, например обнаруженное воровство,—затравят грубыми шутками, насмешливыми песнями.

Известно, что ссора у детей—дело почти повседневное. Достаточно возникнуть недоразумению в игре, чтобы одна группа открыла действия против другой, в один момент превращающейся во враждебный лагерь.

Сначала обмениваются колкими обидными словечками.

— А, схлюздили, схлюздили! Хлюзды! хлюзды...

— Да вы чо?! Ить эта ваша збрендила... Перва ить Федька закричал, што...

— Канешна, Федька! Канешна, Федька! Канешна, Федька—наперебой поддерживают свои.

— У ты, Федя-медя!

И дело загорелось, все в голос закричали—запели:

Федя-медя
съел медведя,
упал в яму,
кричал маму...

Федька, чтобы отвести от себя не совсем приятное общее внимание, улучшает момент и пускает ответную стрелу, отравленную обыкновенно не менее сильным ядом, в мишень из враждебного лагеря:

Иван-балван
с калакольни упал...

Если Федька пользуется расположением „свящиков“ (близких, постоянных товарищей), они спешат поддержать его, и уж не один он, а целый—нестройный, но громкоголосый—хор вместе с ним продолжает начатый ответ:

Ичка снес,
на базар панес;
на базари ни бирут,
Ваньку за уши тянут...

Вдруг кто-либо другой чем-нибудь даст повод обратить на него внимание, и песня внезапно меняется:

Васька-васёнак
худой парасёнак,
ножки трясутся,
кишки валакутся...

Или:

Тишка-плишка,
жена каратышка,
дети, как плети...

Смотришь—и враждебный лагерь переменял мету:

Хахол-махол
сел на кол,
с кола свалился,
в грязь павалился...

Или:

Гром гремит,
земля трисетса,
самаход
в лаптях несетса...

Следование песенок во время исполнения одной за другою иногда носит характер словесного состязания или, лучше сказать, песенного прения, весьма близкий к диалогу¹⁴. Обыкновенно состязание продолжается до истощения запаса готовых и вновь родившихся издевательских формул в том и другом лагере.

Истощится издевательский материал, начинаются повторения и без того уже не раз повторенных слов,—тогда обе стороны, не слушая друг друга, поют каждая свое...

Они взаимно насмеваются в безутышной перестрелке неожиданно и метко бросаемой рифмой, наскоро сложенной

насмешливой песенкой, уснащенной подчас ядреным деревенским словом,—повторяют, не подозревая того, старую и из века в век новую историю:

versibus alternis opprobria rustica fudit
libertasque recurrentis accepta per annos
ludit amabiliter, donec iam saevos apertam
in rabiem coepit verti iocus et per honestas
ire domos inpune minax¹⁵.

Интересующемуся детским словесным творчеством поучительно наблюдать, когда обе ссорящиеся и сражающиеся группы равносильны. Интересно присутствовать и тогда, когда ватага шалунов „нарывается“ на мальчугана, который талантливо „отъедается от семи собак“. Впрочем, на такого редко и нападают; обыкновенно для травли избирают „таковского“.

По тому или иному поводу пристанет к нему толпа и хором повторяет „одно по одному“ бесконечное число раз подходящее к случаю стихотворение... Попытки укрыться, спастись бегством редко удаются. Даже если и удачным будет бегство домой, то многоголосая крикливая песня будет раздаваться у самых ворот, пока „большие“ не прогонят ватагу ревунов или пока им не надоест исполнение номера, не попадающего в цель. Один за другим ребята разбредаются, и только самый неугомонный стоит у калитки, смотрит в щелку и долго и упорно нараспев или скороговоркой повторяет отрывки из много раз исполненной хором песенки.

Едва ли встретится какой-нибудь приметный случай, подходящий повод, который затруднит найти бойкое слово, легкую рифму, вряд ли выищется интересующее ребят событие, для „отражения“ которого не нашлось бы готовой песенной формы или не родилась бы новая.

Упоминание мальчугана о том, что в школьном общежитии подают к обеду щи с картошкой служит достаточным поводом и определяет необходимый минимум материала для прозвища: „пшик-картошка“. Приезд из Псковской губернии определяет первоначальное прозвище „скопской“, а желание обострить насмешку, придать ей—путем усвоения мальчугану качеств или особенностей девочки—издевательский характер перестраивает прозвище в „скопсдырь“. Во многих случаях прозвище развертывается, принимает стихотворную форму. „Бывают также случаи,—сообщает Молотиллов,—что ребяташки, желая высмеять кого-либо, составляют специальный по адресу данной личности складень“,—и приводит в качестве примера четверо-

стишие¹⁶. Еще пример. Ребятам стала известной мечта одного мальчика сделаться капитаном,—и, как отклик, в товарищеской среде появляется эпиграмматическое четверостишие (см. в „Материалах“ № 79). Любовь к кошке закрепляет за девочкой прозвище „кошкина мать“, за которое рифмой цепляется четверостишие (№ 94).

Заподозренная „симпатия“ вызывает появление импровизированной эпиграммы (№№ 107—вариант; 108).

С целью „острамить“ товарища за кражу или другой порицаемый поступок сговариваются „проложить славу“, создают, изливая свое осуждение, краткое стихотворение (№№ 37, 92). Если не найдется готовой песенной формулы, импровизируют.

Если импровизация не покажется удачной, она быстро теряется, а если хороша, складна, подходяща, т. е. отвечает общей потребности заинтересованной группы, ее без уговора или, лучше сказать, по молчаливому договору, признают заслуживающей труда быть сохраненной.

Дитя-художник, счастливый выразитель личных переживаний или настроения группы, не гонится за славой, и авторство его забывается, а пущенной им в минуту вдохновения издевке-портрету или издевке - эпиграмме выпадает завидная доля: ее подхватывают, и она делается достоянием не только группы, где она родилась, а в первоначальном виде или много раз переработанная исполнителями—в соответствии с нуждами, вкусами и дарованиями—сохраняется всем детским населением деревни, а то и переходя за ее пределы. Из определенного чувства или настроения она родилась; эти же чувства и настроения она выражает, приняв законченную форму; она всегда служит целям осмеяния, издевательства.

Таково происхождение и таковы условия бытования песенок—порождения „словесной забавы“, которые пережили несколько человеческих поколений.

Для обозначения рассматриваемых здесь детских сатирических песенок можно или принять названия в готовом виде от исполнителей и ввести их в качестве условных рабочих терминов в научный обиход или из назначения этих словесных произведений вывести для них соответствующие названия.

Дети обыкновенно не дают определенного названия исполняемому словесным произведениям. На вопрос, какую они поют песню, можно услышать: „это вовсе не песня, это так-себе... дразнилка“.

Не встретило бы больших возражений введение термина „дразнилка“ для значительной части произведений детской

сатирической лирики, если бы оно вполне выражало основную сущность и главное назначение этих произведений. Дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение донять, обидеть, извести человека.

Может быть, следует воспользоваться редким и далеко не общеупотребительным, но все же встречающимся в детском обиходе словом *издевка*, которое означает те самые „передразнивания“, о которых говорит Шейн. Если малораспространенность этого слова в *детском обиходном языке* как будто ослабляет право воспользоваться им в качестве термина, зато оно находит свое основание в том обстоятельстве, что это общенародное слово в живом языке нашло себе место, а затем и в способе использования и в содержании этих детских произведений. Наконец, можно напомнить, что этот термин (в несколько ином использовании) встречается и в литературе по детскому фольклору¹⁷.

В пределах этого вида можно различать: 1. *издевку-портрет* (см. №№ 56, 62, 70, 114 и др.), 2. *издевку-эпиграмму* (№№ 79, 107—вариант, 108 и др.), 3. *издевку-посрамление* (№№ 37, 78, 92 и др.), 4. *издевку-прозвище* (№№ 87, 93, 95 и др.).

Общие характерные признаки детской сатиры заслуживают того, чтобы составить предмет специального исследования. Эти страницы продиктованы желанием поделиться немногими, мимоходом сделанными наблюдениями над детским словесным творчеством. Такая скромная задача находит свое оправдание в том обстоятельстве, что даже наблюдения, произведенные в пределах сравнительно небольшого материала и не отражающие следов пристального изучения, обнажают некоторые характерные черты детской сатирической лирики.

Издевки построены на рифме, которая является одним из важнейших композиционных средств произведений разбираемого вида.

Любовь к рифмовке у детей—дело общеизвестное. Рифмуют чаще и удачней имена и прозвища. Делается это в тех случаях, когда нужно представить чье-либо имя в смешном виде, и тогда, когда хочется придать своему обращению шуточный тон. Цепкость ребят в этом отношении поразительна. Девочка захотела присвоить себе понравившееся ей вычитанное

где-то имя *Мирра*. Как только это намерение стало известно сверстникам, родилось рифмованное прозвище: *Миронья-дыра воронья*. Достаточно ребенку обнаружить плаксивость, он уже — „р(и)ва-базарна корова“, „плакса-макса“ или „плакся-макся“. Заметят, что у мальчугана или девочки выпали зубы, за ним на несколько месяцев обеспечено прозвище: „дед—сто лет“...¹⁸.

См. также в „Материалах“ №№ 1—20.

У девочек иногда наблюдается желание придать обращению или прозвищу ласково-шутливый характер.

— Ну, как бы мне тебя подразнить?—задумчиво говорит семи-восьмилетняя девочка Оле—одной из подруг, сидящих на скамеечке около дома. И, помолчав минутку, тоном осененного мыслью быстро повторила речитативом неизбежное: *Оля-боля, Оля-боля...*

Подобных этому (записанному в поселке Боровом), можно было бы привести не мало примеров. Так же родилось там прозвище: *Алеица-балеица* и многие другие.

Из того же источника вышла шутка, известная в том же поселке:

Алеша—балеица,
Мать нехороша...

Первоначальное рифмованное прозвище через прибавление новой части (характеристика матери) разраслось в короткое двустипише—*дразнилку*.

Путем приращения позднее добытых и оформленных материалов (характеристика отца) двустипише приняло форму шутки издевки (см. № 61).

Напрашивается мысль, не приближаемся ли мы путем наблюдения подобных фактов к разрешению (хотя бы частичному) вопроса об образовании или происхождении детских издевок. Мне кажется, что некоторый материал для ответа на вопрос о происхождении этих коротеньких произведений я нахожу в своих дневниках, где описываются случаи рождения издевок. Наблюдения над детским словесным творчеством позволяють допустить, что описанные выше стадии проходит значительная часть законченных в своем построении издевок, связанных с именем собственным или нарицательным: имя—рифмованное прозвище—дразнилка—издевка. Ср. №№ 24 и 62, 32 и 75, 35 и 72, 73; 41 и 95, 43 и 88.

Этот процесс образования издевок не всегда выливается в ту форму законченной определенности, которая напраши-

вается при обзоре накапливающихся материалов и в каком виде здесь приводится. В отдельных случаях издевка, как уже указывалось, рождается и внезапно—сх рпгпрпц. Нередко новые стихотворения получаются путем комбинирования отдельных частей разных текстов, когда старые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Отсюда понятно наличие в издевках реминисценций из произведений книжной словесности, из сказок, песен, народной агитграфии (№№ 28, 57, 70, 111 и др.). В иных случаях возможно заподозрить заимствования из частушек молодежи (№№ 78, 106 и др.)¹⁹.

Наряду с процессом образования издевки из более простых форм наблюдается и обратный процесс. Уже говорилось, что признаком издевки, отличающим ее от других видов детской сатирической лирики, надо считать хоровое исполнение; в одиночку редко кто (разве какой отщепенец) пользуется издевкой, исполняя ее solo. Обыкновенно, не имея возможности исполнить ее хором, пользуются элементами ходовых издевок: из полного текста стихотворения в случае надобности вынимается кусок и используется в качестве самостоятельного словесного произведения. Обычно таким куском бывает или рифмованное прозвище или—реже—дразнилка.

Наблюдения показывают, что рифмовка обыкновенно дается почти каждому ребенку; многие могут связать имя с рифмующимся словом в выразительное прозвище; не всякому дано сложное прозвище развить до дразнилки; лишь выдающиеся дети-художники слова в счастливую минуту могут слить вновь найденную вязь слов с материалом ранее известной дразнилки, чтобы получить издевку. Иной раз имеются все необходимые элементы: и рифмованное прозвище и факты или поводы, к которым можно придраться. Недостает только или соответствующего настроения или выдающегося дарования.

Но достаточно каким-нибудь путем накалиться атмосфере, чтобы сила потребности стала силой творчества, или явиться поэту с ярким дарованием насмешника,—и появление издевки обеспечено. Близость нового стихотворения со старым ходячим произведением (прозвищем, дразнилкой) обеспечивают быстрое его запоминание и распространение²⁰.

Старые песни-издевки для детей не теряют прелести новизны. Они отвечают потребности выразить в слове волнующие интересы минуты. Неизменное присутствие в этой короткой песне нужных в известный момент бойких и вызывающих ноток сохраняют ей оттенок свежести только что возникшей песенки... Впрочем, и всякий новый повод использования всем

известной песни возвращает ей это свойство. Надоест эти песни-стихотворения не могут и в силу краткости периода пользования ими каждым детским поколением: едва ребенок успеет овладеть всем запасом сатирических произведений,—и уже выходит из детского возраста.

Наблюдатели детского быта хорошо знают, как широко развита *общественная жизнь детей*. Достаточно для примера упомянуть о детских сезонных организациях в виде артелей рыболовов, христославов, или об играх, регулируемых „правилами“ и „уговорами“, дающими в своей совокупности свод неписаных, но всеми строго соблюдаемых „законов“. Нормы, которыми определяются взаимные отношения различных групп детского общества, своей сложностью и разработанностью заслуживают право на внимание не только этнографов, но и психологов и юристов.

Казалось бы, что сатирическая лирика детей должна ярко отразить их общественный быт. В действительности же мы этого не наблюдаем. Используемые здесь материалы (как и те, которые можно было привлечь для сопоставлений) показывают, что детская сатира далеко не всегда носит общественный характер. Тематическая изобретательность в области лирики осмеяния, как обнаруживают наблюдения над текстами стихотворений, определяется событиями детской жизни, редко выходящими за круг интересов небольшой группы лиц. Детская сатира сравнительно редко бывает направлена против враждебной группы; обыкновенно она направляется против того или другого лица. В ней мы имеем дело не с общественной негодующей сатирой, а скорее, если ее характеризовать в общепотребительных терминах и обозначениях, с *эпиграмматическими произведениями*, основной чертой которых является грубое балагурство, входящее в детское словесное творчество существенным элементом, нередко переходящее границы простой забавы. С этой особенностью детской сатирической лирики в известной связи находится выбор затрагиваемых тем и разрабатываемых мотивов.

Кажется, больше всего вызывает к себе детское внимание *внешний облик людей* (№№ 36, 42, 81, 87 и др.) и бросающиеся в глаза перемены в нем (№№ 49, 53 и др.).

Не остаются не замеченными люди другой национальности—отчасти за внешность, отчасти за название; более других известны: немец, поляк, еврей, татарин, цыган, бурят (№№ 43, 88, 44, 41, 42, 95, 110, 89, 40); здесь же позволено назвать хохла (№ 104), поселенца (№ 99). Пользуются вниманием действительные или приписываемые какие-либо

физические уродства: хромота (№ 24, 46, 102 и пр.), близорукость, слепота (№№ 45 и др.), косоглазие (№ 63, 66, 91, 103) и пр., редко—внутренние качества (№ 34).

Отмечаются публичным посрамлением порицаемые детским общественным мнением поступки—воровство, клаяузы (№№ 37, 54, 92). В некоторых случаях не остаются без осуждения или осмеяния мода (№ 47), нечистоплотность (№ 48).²¹ Не остаются без внимания симпатия (№ 58, 108 и др.), неудачное ухаживание (№ 107—вариант и др.), обжорство (№№ 35, 72, 88), побои и наказания (№ 83 и др.), неожиданные превращения (№№ 85, 86, 109). Господствующий мотив—беспомощность (№№ 65, 97, 104, 105, 107, 109, 111, 112).

В своем месте было сказано, что в словесных состязаниях только наиболее одаренные („мастера“), и то не в каждой схватке, создают новые произведения; обычно же пользуются готовыми *формулами осмеяния*, — распространенными текстами издевок, в которых, смотря по надобности, делается соответствующая замена слов или фраз; отсюда понятно, почему стихотворения-издевки имеют нескончаемое число вариантов. Творчество художника-ребенка находит свое проявление в выборе и приспособлении готовой формулы к тому или другому определенному случаю: комбинирование получаемых из разных источников материалов, соблюдение ритма, размера и т. д.

Темы детского издевно-песенного творчества меняются и множатся крайне медленно, потому и количественное богатство ходячих формул осмеяния не находится в соответствии с тематическим богатством.

Разрешая задачи приведения к известному единству всех входящих в то или иное стихотворение элементов, составители используют в качестве стержня для своих построений рифмованные прозвища, за которые цепляются обозначения признаков, действий и состояний—действительных или приписываемых осмеиваемому лицу.

В результате имеем:

1. Утверждение, навязывание человеку или группе чем-либо связанных лиц определенных („отрицательных“) признаков и действий,—обычно с настойчивым их перечислением. Ср., например, №№ 56, 57, 62, 65, 77, 79; также: 67—69, 71, 72, 80, 82 и мн. др.

2. Или—редко—отрицание „положительных“ признаков и действий: № 76 и др.

3. Или же, рядом с отрицанием одних, приписывание других признаков или действий: №№ 61, 63 и др.